

Стул / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Стул / рассказ СТУЛ

Куда поставить стул?

Все стены заставлены плотно. Дверь – сервант, телевизор, окно, шифоньер, диван-кровать, ножная машинка «Зингер» – дверь.

Ни одного просвета.

Но стул необходимо поставить. Стул не может стоять посреди комнаты. Тогда к нему нужен стол. Столик. (Большой не влезет.) Маленький, кофейный. Но она не пьет кофе. На столик можно поставить баночки и коробку с нитками. Тогда их не нужно будет искать, они все время будут под рукой. Ей приходится постоянно расставлять юбку и два платья, потому что она поправляется. Каждый день немного поправляется. Однажды она показала дочери: «Удивительное дело, но я похудела!» – и показала, как раздался пояс юбки. «Это не ты похудела, это твоя юбка вся растянулась от старости», – кричала дочь. Они сильно ругались из-за еды. «Ты страдаешь булимией. Нельзя эту селедку! Нельзя жареную картошку и хлеб с маслом! Нельзя столько весить!» А она выкрикивала: «Глупости!» И каждое утро жарила себе картошку на сливочном масле. А когда дочь выходила на кухню, говорила ей ласково и заговорщически: «Хочешь жареной картошечки?» Дочь кричала, а ей становилось весело.

Еще она говорила: «Подвинь табуретку».

«Во-первых, это стул, – начинала дочь дрожащим голосом, – во-вторых, табурет», – заканчивала визгом.

«Табуретку подвинь», – повторяла она, дослушав рыдание в голосе дочери. И ей становилось легко на душе. Когда-то она чуть не стала актрисой и детским врачом с белокурой коронкой на изящной головке. Но теперь она не хотела быть ни красивой, ни культурной, ни интеллигентной женщиной. Ее увлекали простота и доступность ее желаний. А дочь этого не понимала. В малолетстве дочь была ее рукой. Этой рукой она ощупывала мир. Сама боясь к нему приближаться, она посылала дочь в самые

жгучие места... «Ну, что они тебе сказали?» – спрашивала она ласковым голосом и жадно вникала в детские запинки.

Лучше бы она за собой следила, эта дочь. Этот новый мужчина, который к ней ходит, вор и обманщик. «Ну какой же он вор! – кричала дочь, – он научный сотрудник!» «Он украл мои ложки!» – парировала она. «Вот твои ложки! – рыдала дочь. – Ты ими съела моего мужа, теперь подбираешься к моему любовнику!»

А однажды дочь отстала. Каверзы больше не кололи ее, и в засады не попадалась. И когда она нарочно спрашивала: «Можно мне кусочек селедки?» – дочь отзывалась бледным голосом: «Тебе можно все». Она посмеивалась, посмеивалась, но теплой волны-отдачи от меткого попадания в дочь она уже не ощущала.

Красивое, удачно скрадывающее полноту платье, флакон духов и брошь-цветок она вернула дочери: «Это для меня чересчур. Не трать такие деньги». В лице дочери мелькнула тень. Похожая на зверя. Но таких зверей на земле не бывает. Она проверяла. Она искала его у Брэма. Она его видела раньше. Видимо, во сне. Она восхищалась своими фантазиями. И тут удивилась – фантазия – зверь воплотилась в реальности, мелькнув в лице дочери темной быстрой тенью.

С того дня дочь стала как-то исчезать, растворяться, пока не исчезла совсем. Ей рассказывали, что дочь видели, как она роется в помойках, ее едва узнали. Но и там, неузнаваемая, она постепенно таяла, таяла, и растаяла вовсе.

И она про дочь забыла. Она жила разумно, аккуратно, выходила на лавочку к старушонкам, тайно подсмеивалась над их глупостями, покупала себе батон нарезной, сетку картошки и торт «Персидская ночь».

До сегодняшнего утра.

Сегодня утром она увидела, что стул стоит посреди комнаты, мешая ей ходить. Она стала думать, куда его поставить. За дверью был пустой кусок стены. Но тогда дверь открывалась не полностью и она не могла протиснуться ни в комнату, ни из комнаты. К серванту ставить было нельзя – закрывался доступ к будильнику. Ну не к телевизору же?! К шифоньеру то же самое – доступ закрывался. Можно было поставить к окну, а тогда невозможно подойти к нему вплотную и подглядывать из-под шторы

за миром, посмеиваясь над его несуразностями.

Не могло быть и речи, чтобы вынести его в коридор или поставить в любые другие три комнаты. Богато обставленные, гордые, они пугали ее какой-то безжизненностью. Так они и были безжизненны, ведь в них никто не жил! Она и не заходила в них. Только один раз, взять себе этот стул. Она еще тогда сказала: «Ну зачем нам такой большой стол и шесть стульев?» «У меня будет семья, у нас будут гости!» – ответили ей. Она встревожилась и забрала один стул себе. Теперь, по праву, он был ее. Он принадлежал этой комнате со старой облупленной мебелью, сломанной ножной машинкой «Зингер» и окном в мир.

Она попыталась вспомнить, где он стоял до того, как она не наткнулась на него?

У серванта?

Телевизора?

Окна?

Шифоньера?

Диван-кровати?

Машинки, на которой она не умела шить?

Вспоминала-вспоминала-вспоминала...

Комната начинала кружиться.

Она хотела засмеяться. Она всегда смеялась, когда ей было страшно. И уже произнесла шутливым тоном: «Да что же это за мучение такое, в самом деле!» Как вдруг поняла, что это настоящая мука. Самая настоящая, накопившаяся и пламенная мука. Она была хитра и решила просто сесть на стул. Чтоб он не был таким пустым. Сесть на него. Но не смогла встать с диван-кровати. «Да что же я встать-то не могу? – опять с шуткой в голосе произнесла она. – Мне ведь нужно поставить стул».

Когда слезы закончились, она увидела, что в комнате кто-то есть. Это оказался ребенок. Первоначальная девочка, семилетка. Тощая, как палка, с жестким белобрысым чубчиком. Но это было правильно – в те страшные двадцатые годы ее стригли под машинку, чтоб не завелись вши. У девочек с косичками заводились вши, а у нее нет. В глазах у девочки было восхищение. Да, каждый год – свое восхищение. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь восхищений миром! А потом? А потом

она ослепла от голода. Это случилось тогда у многих, потому что был страшный голод. И вот тогда, в ослепленном мире впервые мелькнул этот зверь. Она вся оледенела от его небывалого вида. Но зверь стал смешно подпрыгивать, и она вначале улыбнулась, а потом рассмеялась – зверь рассмешил слепого ребенка, девочку семи с небольшим лет, и она подумала: «Вот, я слепая, а у меня открылась богатая фантазия». А потом и зрение вернулось, и фантазия осталась с ней. Зверя она больше не видела, но смешные прыжки ощущала часто и поэтому много смеялась.

Да, но в этой девочке, стоящей перед ней, не было следов ослепления. А свет восхищения был. Крылья, правда, были не совсем белоснежные. Вернее, совсем не белоснежные. Они огненные были. «Значит у них наши лица, – поняла она, – наши, когда мы были первоначальными детьми. До ослепления. Теперь все. Все будет. Все будет правильно», – поняла она.

И ангел взял стул и поставил его на место.

– Спасибо, – прошептала она и закрыла глаза с восхищением.

Об авторе: НИНА САДУР

Родилась в Новосибирске. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького.

Автором известных пьес, повестей и романов. Известность приобрела за рубежом. Лауреат премии журнала «Знамя». В 1999 году вышел сериал «Ласточка» (режиссер Кирилл Серебренников), в основу которого легла пьеса Нины Садур «Уличенная ласточка».

Neçaýalar